

Китайские народные сказки

Жены в зеркале

Лежит в неведомых краях степь, десять дней на добром скакуне скачи — не обскачешь. Земля там — конца не видать, небо — глазом не объять. Не синее над степью небо — пурпурное. Только на юго-западном его краю тенью горы вырисовываются. Стоят в степи деревни да деревушки.

В одной деревушке жила мать с двумя сыновьями. Вырастила добрая старушка сыновей на редкость умных да разумных. Одна у нее забота: как бы сыновей женить? Уж очень хотелось старухе внуков понянчить. А сыновьям будто и дела нет до материнской печали. И так мать уговаривает, и эдак — никак уговорить не может. Свахи не одну пару туфель стоптали, пока к женихам бегали, — все напрасно. Горюет старая, не спится ей, не лежится. И вот однажды ровно в полночь поднялась она с кана, дверь отворила, смотрит — небо все звездами усыпано, а вокруг тьма кромешная. Подняла старая голову, вздохнула и говорит:

— Детки вы мои, детки, где же вам жен по сердцу найти? Сказала так, а сама думает: «Наверно, звезды меня услышали, уж очень тихо вокруг». Не успела она это подумать, вдруг видит — в юго-западной стороне блестящий круг от земли отделился чуть не больше луны, прямо к ней летит. Прилетел и во двор опустился. Блестит круг, глазам больно. Зажмурилась старая. Только открыла глаза, смотрит — старец в том кругу стоит, лицо доброе, красивое, борода белая, в руке палица с головой дракона. А лучи вокруг старца ярче самого круга сверкают. Улыбнулся старец — заколыхалась борода — и говорит ясным голосом:

— Подыскал я для твоих сыновей жен.

Не разгладились морщинки меж материнскими бровями, развела она руками и отвечает:

— Боюсь, что пустые твои хлопоты, почтенный старец-небожитель! Никто не придется моим сыновьям по сердцу. Но коли дозволишь, я посмотрю на невест, потолкую со свахами.

Рассмеялся старец — борода по воздуху поплыла — и говорит:

— Не надобны свахи, не надобны приглашения на красной бумаге, и разукрашенные паланкины тоже не надобны. Дам я тебе два зеркальца, у каждого зеркальца на оборотной стороне цветы водяного ореха. Не думай только, что жены в зеркале — это обман. В третий день третьей луны ровно в полночь надо взять зеркальце, оборотить его к юго-западу, от зеркальца луч пойдет, и тотчас широкая дорога откроется. По этой дороге и надобно за невестой идти.

Пошарил старик за пазухой, достал два круглых зеркальца, отдал старухе. В тот же миг будто солнце на небе взошло — поднялся сверкающий круг ввысь, полетел-поплыл к юго-западу и пропал падучей звездой.

Воротилась старуха в дом, разбудила сыновей, старшему сыну дала зеркальце, меньшому тоже дала зеркальце. Глянул старший сын в зеркальце, видит — девушка, в красное наряженная, в руке красный пион держит. Улыбнулась девушка, опустила голову, красным пионом любитесь. Забыл старший сын, что девушку он в зеркале видел, и как закричит:

— Матушка! Она улыбнулась мне, после голову опустила. А как мне про свою любовь ей сказать? Дозволь, матушка, нам пожениться?

Слушает мать, ушам своим не верит, с места двинуться не может. Глянул меньшей сын в зеркальце, видит — девушка сидит, в зеленое наряженная, в руке зеленый пион держит. Поглядела девушка ласково, опустила голову, зеленым пионом любитесь. Забыл тут меньшей сын, что девицу ту он в зеркале увидел, и как закричит:

— Матушка! Девушка взглядом ласковым про любовь мне поведала. Дозволь же мне на ней жениться.

А старая мать и смеется и плачет. Говорит она сыновьям:

— Детки вы мои, детки! Умом, что ли, вы тронулись? Красавиц-то вы в зеркале видели. Как же их в жены взять?

Выслушал мать старший сын — запечалился, головой поник. Выслушал мать меньшей сын —

затосковал, брови нахмурил.

Время бежит, грустят сыновья, бровей не распрямляют. Делать нечего, пришлось матери рассказать все как есть.

Наступил третий день третьего месяца. Говорит тут мать сыновьям:

— Не отпущу я вас обоих, как ни просите. Кто знает, что вас там ждет — счастье или беда злая?

Говорит старший брат меньшому:

— Я первым пойду, а ты пока оставайся.

Согласилась мать отпустить старшего и говорит меньшому:

— Твой брат на годок-другой тебя старше, пусть и идет первым.

Ровно в полночь взял старший сын зеркальце, вышел во двор, оборотил зеркальце к юго-западу, и тотчас от зеркальца белый луч побежал, в тот же миг горы из тумана вышли, ближе придвинулись, и увидел юноша причудливые камни, глухие леса, отвесные скалы да железные вершины. А белый луч в горы убежал, рос, рос и в светлую широкую дорогу превратился. Простился юноша с матерью, простился с меньшим своим братом и в путь отправился.

Всю ночь шел, а на рассвете у высокой крутой горы очутился. Обошел он гору, смотрит — скала, в скале пещера светом дивным светится. В пещере старец сидит, ноги под себя поджал, а от старца сверкающие лучи во все стороны расходятся. Вспомнил тут юноша, что мать им с братом про старца рассказывала, и сразу все понял. Подошел он к старцу, вежливо поклонился и говорит: — Почтенный старец! Я всю ночь шел, от конца до конца дорогу прошел. Где же мне теперь ту девицу искать?

Начал тут бессмертный старец юношу хвалить.

— Ты смелый юноша! Всю ночь шел, от конца до конца дорогу прошел. Только девица та на высокой горе живет. Пойдешь на запад, перейдешь Тигровую гору, переберешься через поток Водяных чудищ и увидишь дом злой волшебницы. Превратила волшебница ту девицу в красный пион, в саду позади дома ее держит. Прoberись в сад да направь на пион волшебное зеркальце. В тот же миг пион красавицей обернется. А теперь сам решай, пойдешь ты дальше или не пойдешь?

Подумал юноша и говорит:

— Уж раз я сюда пришел, не ворочусь домой без девицы.

Говорит старик:

— Коль не ведаешь ты страха, я тебе помогу. Возьми кнут да ниток клубок, я научу, что с ними делать. Только помни: струсишь — кнут да нитки свою силу потеряют.

Вынул тут старик кнут и моток белых ниток, научил юношу, что с ними делать, дорогу показал, куда идти.

Пошел юноша той дорогой, кружил, кружил и на вершину горы взобрался. Поглядел вперед — еще гора стоит. Камней там, словно деревьев в лесу, один другого чуднее. За горой черный туман клубится. Постоял юноша и пошел на ту гору. Идет он, идет, все круче, все выше взбирается, того и гляди, в пропасть свалится. Притомился, весь потом изошел, а тут с горы на него два тигра ринулись, сами огромные, шкура пятнистая. Вмиг перед юношей очутились, пасти разинули.

Взмахнул тут юноша кнутом, раз, другой, третий и крикнул:

— Эй, тигры! Стражи горные! Прочь с дороги! Я по свету хожу, невесту ищу.

Только он это сказал, разом закрыли тигры пасти, опустили головы и прочь убежали.

Поднялся юноша на вершину. Вниз посмотрел, а там ущелье, ни камня в нем. ни деревца — только бурный поток мчится. Спустился юноша с горы, к самой воде подошел. Вынул моток, оторвал нитку, в воду бросил и крикнул:

— Эй, чудища, стражи водяные! Живо мост перебросьте с берега на берег. Я по свету хожу, невесту ищу!

Только он это сказал — зашумела, забурилась вода, в тот же миг чудища на зеленую поверхность всплыли. Хвосты рыбы, туловища да головы человечьи, в черепахи панцири одеты. Стали чудища нитку тащить, на другой берег вытащили. А нитка та мостиком обернулась. Взмахнул юноша кнутом и пошел по мостику. Мостик узенький — одно-разъединое бревнышко. Глянул юноша вниз: там вода зеленая, в воде чудища, к самым ногам подбираются, красными глазами на юношу смотрят. Испугался юноша, думает: «Мостик узенький, того и гляди, в воду свалишься». Подумал он так, и тотчас ноги у него подкосились, в голове помутилось. Ай-я! Бревнышко вмиг тонкой ниткой обернулось. Свалился юноша в воду, и чудища его на дно утащили. Ждет мать старшего сына, а он все не идет. Вот уже и год прошел. Утешает себя старая, успокаивает, а сердце тревога гложет. Вот и третий день третьего месяца наступил. Говорит меньшей сын матери:

— Матушка! Год прошел, как мой брат ушел. Нынче я пойду невесту для себя искать!

Отвечает ему мать:

— Да ведь брат твой до сей поры не воротился, как же ты, сынок, не боишься идти?

— Он не воротился, а я непременно ворочусь.

Болит у матери сердце о старшем сыне, и говорит она:

— Иди, да себя береги. Хоть найдешь ты невесту, хоть не найдешь — все равно домой возвращайся. Только смотри про старшего брата все разузнай — где он, да что с ним.

Пообещал сын сделать все, как мать велит. Ровно в полночь вышел он во двор, оборотил заветное зеркальце к юго-западу. Побежал от зеркальца белый луч, рос, рос и в широкую светлую дорогу превратился. До самых гор крутых протянулась та дорога. Простился меньшей сын с матерью и в путь отправился.

Всю ночь шел. На рассвете до конца дороги дошел, увидел старца бессмертного, от старца блестящие лучи во все стороны расходятся. Дал старец юноше кнут, дал ниток клубок, научил, что с ними делать надобно, и говорит юноше:

— В том году об эту пору твой брат сюда приходил. Упал он после в воду, и чудища его на дно утащили. Вот и решай, пойдешь ты дальше или не пойдешь.

Услыхал юноша, что старший брат в пропасть свалился, покатались у него из глаз слезы, и говорит он старцу:

— Будь что будет, а я все равно пойду.

Выслушал старик юношу, дорогу показал к той девице. Идет юноша, кнутом помахивает, через Тигровую гору перебрался, к бурлящему потоку подошел. Достал клубок, оторвал нитку, в воду бросил и крикнул:

— Эй, чудища, стражи водяные! Живо мост с берега на берег перебросьте! Я по свету хожу, невесту ищу!

Только он это сказал — забурилась, зашумела вода, в тот же миг чудища на зеленую поверхность всплыли. Хвосты рыбы, туловища да головы человечьи, в черепахи панцири одеты. Стали чудища нитку тащить, на другой берег вытащили. А нитка та мостиком обернулась. Идет юноша по мостику, а мостик узенький — одно-разъединое бревнышко. Помахивает юноша кнутом, вниз не глядит, на чудищ внимания не обращает. Не дрожат у него колени, не мутится в голове. Перебрался он благополучно через поток на другой берег. Гору перешел, другую одолел, вдруг смотрит — меж изумрудных кипарисов и зеленых сосен домик стоит. Только юноша к домику тому приблизился, чует — аромат дивный вокруг разлился. Не пошел юноша к воротам, обошел дом, как ему старец наказывал. Подошел, смотрит — двор стеной обнесен, из-за стены сад с цветами виднеется. Не стал юноша цветы разглядывать, ударил кнутом по стене, в тот же миг кнут веревочной лестницей обернулся. Забрался юноша по лестнице в сад, дернул лестницу, она опять

кнутом обернулась. Отыскал юноша в саду пионы — зеленый да красный. Один другого краше, один другого ароматней. Направил юноша на цветок зеркало и крикнул:

— Люй-мэй! Зеленая сестрица!

В тот же миг цветок девушкой обернулся. Ее-то и видел юноша в зеркале.

Говорит юноша:

— Зеленая сестрица! Я за тобой сюда пришел. Давай убежим!

Окинула его девица взглядом с головы до ног — улыбнулась. Повернула голову, на красный пион посмотрела — брови нахмурила, из глаз слезы-жемчужины покатались.

— Не могу я уйти, не могу старшую сестрицу бросить. Пусть мы вырвемся из рук злой волшебницы, все равно весь век буду сердцем печалиться.

Сказала она так, а на красном пионе росинки заблестели, на каждом лепестке по жемчужине.

Все понял юноша, пригорюнился. Не нашел старший брат красную сестрицу, загубили его водяные чудища. А что сделаешь без его зеркальца? Тут говорит ему зеленая сестрица:

— Пойдем быстрее в дом, злая волшебница воротилась.

Только вошли они в дом, а уж волшебница на переднем дворе. Поглядел юноша в дверную щелку, видит — одета волшебница в шелка да бархат, только лицо и руки у нее волосатые. Постояла волшебница во дворе, носом повела, ткнула пальцем в дверь и давай ругаться:

— Ах ты, тварь, смерти своей ищешь! Как ты посмела человеком обернуться? Кто тебе дозволил чужого мужчину в дом привести?

Пнула волшебница дверь ногой, в щепы ее разнесла. Юбкой взмахнула — загудел в доме ветер.

Только с зеркальцем тем никакие чары не страшны. Не смогла волшебница зеленую сестрицу опять в цветок превратить. Видит старуха, плохо дело, улыбнулась и говорит:

— Взгляни-ка, доченька, какой пригожий юноша! Я тебя за него замуж отдам.

Молчат юноша с девушкой, словечка не вымолвят. А злая волшебница и говорит:

— Ты ведь не знаешь, что в доме у нас видимо-невидимо мулов, лошадей, коров да овец. А нынче ночью воры явятся. Пусть юноша вместе со мной дом постережет, а завтра я тебя с ним отпущу.

Сказала так волшебница и прочь пошла. Опечалилась тут девушка и говорит:

— Изведет тебя старая колдунья. Ничего у нее нет — ни мулов, ни коней, ни коров, ни овец.

Пошла она созывать волков, гадов ползучих, тигров да барсов.

Стал юноша девушку утешать:

— Есть у меня кнут волшебный, от волков, гадов ползучих, тигров да барсов спасает.

Успокоилась девушка. Отлегло у нее от сердца.

Привела злая колдунья юношу на пустынную гору, а сама исчезла. Вот и ночь настала. Смотрит юноша — ни мула, ни лошади, ни коровы, ни овцы, — ничего нет. Только терновник растет. Вдруг видит — волки, гады ползучие, тигры да барсы пришли, сверкают зелеными глазами, а приблизиться не смеют. Выбрал юноша место поровнее, лег и проспал до самого рассвета.

Видит старая колдунья — не извести ей юношу, прикинулась, будто плачет, и говорит:

— Уж так я люблю мою доченьку! Коли уйдет она, умру от тоски. Думала я, думала и надумала вместе с вами уйти.

Услыхала это девушка, недоброе почуяла. Наверняка замыслила старуха сгубить их в дороге.

Смекалистой была Люй-мэй и говорит старухе:

— Согласна я, чтоб ты пошла с нами, только не угнаться тебе за молодыми. Усталость одолеет. Ты, коли хочешь, можешь большой сделаться, коли надобно — можешь маленькой стать. Вот и сделайся маленькой, полезай в медную вазу. Я тебя на спине понесу. Руки тебе не попорчу, ноги не сломаю. Хочешь — спи. Хочешь — сиди. Хорошо?

А колдунья злая только про то и думала, как сгубить юношу и девушку. Услыхала она девушкины

слова, сжалась вся, величиной с крысу сделалась. Прыг-скок — в медную вазу влезла, а Люй-мэй только того и надо. Заткнула она быстро вазу. Потом велела юноше крышку принести, крышкой вазу крепко-накрепко закрыла. И пошли они с юношей. Подошли к ущелью Водяных чудищ, вазу в воду бросили. Села Люй-мэй на землю, заплакала. Плачет да приговаривает:

— Ах ты, проклятая колдунья! Извела ты нас с сестрой, измучила. В цветы себе на потеху превратила. Не могу я тебя бросить, сестрица! Когда-то мы теперь с тобою свидимся?

Плачет Люй-мэй, слезами обливается. Не выдержали тучи, заплакали. Дождинками-слезами землю полили. Не стерпели сосны — заплакали. Росинки-слезы на ветках засияли. Вспомнил тут юноша старшего брата, не стерпел и заплакал в голос. Заблестела тут мутная зеленая вода, рассеялись черные тучи. С небес бессмертный старец спустился в блестящем круге. Взмахнул старец своей палкой и крикнул:

— Эй, водяные твари, вынесите на берег юношу! Он по свету ходил, невесту искал!

Послушались чудища — рыбы хвосты, человечьи головы, черепаший панцирь, вынесли на берег старшего брата. А он будто и не был на дне потока у страшных водяных чудищ. Это волшебное зеркало с цветами водяного ореха его от порчи уберегло. Взял старец юношу за руку, к себе потянул. Хэй! Юноша на ноги встал, глаза протер и говорит:

— Никак, сон мне привиделся?

Увидел он младшего брата, обнял, а бессмертный старец поднялся ввысь и исчез.

Воротились братья в дом колдуньи, в сад вошли. Взял старший брат зеркало, на красный пион наставил и позвал:

— Хун-цзе! Красная сестрица!

В тот же миг оборотился цветок девушкой. Ее-то и видел старший брат в зеркале. Поглядела девушка на юношу, улыбнулась.

Рассеялись в горах темные тучи, сладилась у людей свадьба. Дождалась мать старшего сына с женой, дождалась меньшего сына с женой. И стали они жить в радости да согласии.